

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(47).084.8

DOI 10.26456/vthistory/2021.2.044–063

ЭПОХА ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (1945–1953)

Л. С. Гатагова

Институт российской истории РАН, Центр истории народов России и
межэтнических отношений, Москва

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмыслить в историографическом ракурсе эволюцию советской этнополитики в период позднего сталинизма. В ней анализируются послевоенные тенденции этнополитического курса Кремля в отношении национальных республик и периферийных народов. При всех незначительных расхождениях во взглядах на проблему внутри научного сообщества доминировала точка зрения, согласно которой подход к этнонациональным проблемам со стороны правящих кругов базировался на обезличенной, предельно механистичной и функционалистской основе. Анализ ключевых партийных установок, а также последующих их трактовок исследователями представляется актуальным вследствие утвердившейся в политических кругах и, отчасти в научной среде, точки зрения, согласно которой национальный вопрос стал одной из главных причин распада СССР.

Ключевые слова: сталинизм, этнополитика, программа советизации, партийные элиты, надэтническая общность, примордиализм, идентичность, советский универсализм.

Национальная проблематика занимает важную часть исследовательского дискурса в постижении феномена сталинизма¹. Но при попытке выявить наиболее изученные сюжеты в сфере этнополитики обнаруживается определённый дисбаланс. Первые и последние десятилетия советского режима исследовались достаточно основательно и всесторонне, в то время как послевоенным годам посвящено гораздо меньше работ (за исключением еврейской тематики).

¹ См.: Историография сталинизма: сб. ст. / под ред. Н.А. Симония. М., 2007. *Istoriografiya stalinizma, sb. st., pod red. N.A. Simoniya, M., 2007.*

Об этом пишут и авторы сборника документов «Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953». По их мнению, особый интерес исследователей национальной политики проявлялся преимущественно к периодам, знаменовавшим важные и очевидные вехи в национально-государственном строительстве, в то время как другие этапы отечественной истории привлекали недостаточное внимание, в частности, период с 1945 по 1953 г., от окончания войны до смерти Сталина. «Между тем, – утверждают они, – именно в этот временной промежуток складывались важнейшие предпосылки обновления национальной политики, наметившиеся после смерти Сталина, а также завязывались узлы многих противоречий, которые оказали долгосрочное воздействие на состояние национальных отношений в СССР и современной России»².

Утверждение авторов сборника в большей степени касается постсоветской историографии, поскольку в годы коммунистической эпохи серьезные аналитические исследования, связанные с национальным вопросом, мягко говоря, не приветствовались: действовала жесткая идеологическая установка, согласно которой историкам предписывалось избегать проблемных тем. Считалось, что национальный вопрос в СССР решен раз и навсегда. В 1949 г. Н.С. Хрущев в статье, посвященной предстоящему 70-летию И.В. Сталина, декларировал, что создание СССР «явилось классическим разрешением на деле национального вопроса и утверждения подлинной дружбы народов на основе Советской власти и социализма...»³. Пафос юбилейного послания сводился к констатации заслуг Сталина в качестве непререкаемого авторитета во всем, что касалось национального вопроса.

Выходившие в советскую эпоху работы по этнонациональной тематике отличались крайне формалистским подходом к проблемам внутренних коллизий малых народов и характеру их взаимоотношений с центральной властью, а исследовательское поле в основном ограничивалось освещением процессов добровольно избранного сосуществования в «братской» семье народов, с упором на крепнущую день ото дня «дружбу»⁴.

² Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. / Сост.: Л.П. Кошелева, О.В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Деннингхаус, Дж. Кадио, М.Ю. Прозуменщиков, Л.А. Роговая, А.Е. Свенцицкая, Дж.Смит, Е.В. Шевелева. Серия «Документы советской эпохи». М., 2013. С. 5.

Sovetskaya nacional'naya politika: ideologiya i praktiki. 1945–1953., Sost.: L.P. Kosheleva, O.V. Hlevnyuk (otv. sost.), V. Denninghaus, Dzh. Kadio, M.YU. Prozumenshchikov, L.A. Rogovaya, A.E. Svencickaya, Dzh.Smit, E.V. Sheveleva, Seriya «Dokumenty sovetskoj epohi», M., 2013, S. 5.

³ Хрущев Н. Сталинская дружба народов – залог непобедимости нашей Родины // Большевик. 1949. № 12. С. 81.

⁴ См.: Матюшкин Н. Равноправие и содружество наций в СССР. М., 1950; Кравцев И.Е. Развитие национальных отношений в СССР. Киев, 1962; Грошев И.И. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967; Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма (1937–1967 гг.) / отв. ред. Д.А.Чугаев. М., 1970; Куличенко М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; Маланчук В.Е. Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию нацио-

В среде западных историков послевоенного периода проблемы этнополитики рассматривались лишь в той мере, в какой они имели отношение к борьбе за власть в центре. Этот подход был доминирующим среди ученых и отражал не только сложившееся мнение об относительной стабильности национального вопроса в Советском Союзе, но и тот факт, что тема этнического самосознания едва привлекала внимание историков, за редкими исключениями вроде Х. Сетона-Уотсона⁵. Впрочем, были и некоторые другие исключения, хотя и весьма немногочисленные⁶.

Зарубежных исследователей интересовали, в первую очередь, события внутри советской правящей верхушки, занятой многочисленными аппаратными реорганизациями, кадровыми перестановками и борьбой за влияние среди ближайших соратников вождя. Отсутствие интереса к этнонациональным проблемам во многом объяснялось и скудостью информации о реальном положении дел в этой сфере.

За восемь послевоенных лет главный идеологический орган партии, журнал «Большевик» посвятил национальному вопросу всего две передовые статьи. В редакционном материале, опубликованном на исходе 1946 г., прозвучал тезис о том, что советская культура есть социалистическая по содержанию и национальная по форме культура. Острие новой пропагандистской формулы было направлено, как указывалось в статье, «не только против уклона к великодержавному шовинизму, но и против уклона к местному национализму»⁷.

В 1948 г. ведущие партийные теоретики вновь вернулись к этой теме, давая понять, что она возникла не случайно. Редакционная статья, написанная в духе лучших традиций советского Агитпропа, извещала своих читателей – членов партии о наличии неблагоприятных взаимоотношений титульных национальностей и меньшинств в национальных республиках и городах. «Большевицкая партия вела борьбу не только против великорусского шовинизма, – гласила статья, – но и против шовинизма в отдельных

нальных отношений в СССР. М., 1972; Баграмов Э.А. Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982 идр.

Matyushkin N., *Ravnopravie i sodruzhestvo nacij v SSSR*, М., 1950; Kravcev I.E., *Razvitiye nacional'nyh otnoshenij v SSSR*, Kiev, 1962; Groshev I.I., *Istoricheskij opyt KPSS po osushchestvleniyu leninskoj nacional'noj politiki*, М., 1967; *Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v SSSR v period socializma i stroitel'stva kommunizma (1937–1967 gg.)*, otv. red. D.A.Сhugaev. М., 1970; Kulichenko M.I., *Nacional'nye otnosheniya v SSSR i tendencii ih razvitiya*, М., 1972; Malanchuk V.E., *Istoricheskij opyt KPSS po resheniyu nacional'nogo voprosa i razvitiyu nacional'nyh otnoshenij v SSSR*, М., 1972; Баграмов Е.А., *Nacional'nyj vopros v bor'be idej*, М., 1982 идр.

⁵ Smith J. Soviet nationality policies from Lenin to Gorbachev // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. акад. Г.Н. Севостьянов. М., 2005. С. 509.

⁶ Авторханов А.Г. Народоубийство в СССР: Убийство чеченского народа. Мюнхен, 1952; Armstrong J.A. Ukrainian Nationalism. New-York, 1955; Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978, etc.

⁷ О социалистическом содержании и национальных формах советской культуры // Большевик. 1946. № 22. С. 3.

республиках и национальных районах, как, например, в Грузии, Азербайджане, Бухаре, Хорезме, где среди части численно преобладавших национальностей проявлялся дух шовинизма по отношению к национальным меньшинствам, которые рассматривались как «менее культурные», «менее развитые» и «менее важные»⁸.

Привлечением внимания рядовых коммунистов к проблеме «местного шовинизма» дело не ограничилось: в 1950 г. журнал опубликовал статью первого секретаря ЦК КП Азербайджана и председателя Совета Министров республики М.Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля»⁹. Речь в ней шла о Кавказской войне XIX в. Автор статьи обрушился с жесткой критикой на утвердившуюся в среде историков трактовку войны как национально-освободительной, признал антимарксистской оценку движения мюридизма, принятую участниками дискуссии 1947 г. «Об исторической сущности кавказского мюридизма» в Институте истории Академии наук СССР. Багиров объявил вождя горцев турецким и английским агентом и обвинил его в стремлении отторгнуть Кавказ от России, а мюридизм заклеил как сугубо реакционное, антинародное движение. Внешне все выглядело так, словно автор статьи полемизирует с ведущими учёными Института истории СССР и заодно с азербайджанским философом Г. Гусейновым (его книга «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века» незадолго до этого была выдвинута на соискание Сталинской премии), пытаясь подвергнуть радикальному пересмотру трактовку событий столетней давности.

Однако истинные мотивы выступления Багирова крылись в совершенно иной плоскости. Это был масштабный политический заказ, цель которого заключалась в том, чтобы произвести своего рода расчистку идеологического поля и освободить его от ставших неудобными идей. Концепты «прогрессивных национальных движений», «справедливой освободительной борьбы народов» и «праведных национальных героев» перестали вписываться в новую политическую реальность, изменившуюся в свете неомперских амбиций вождя народов.

Статья Багирова вызвала широкий общественный резонанс и имела далеко идущие последствия (крайне негативно отразившись на судьбе целого поколения гуманитариев). Во всяком случае, отголоски этого показательного идеологического погрома ещё долго сказывались на качестве научной продукции представителей исторического сообщества, занимавшихся «национальными» темами¹⁰. По этой и некоторым другим причинам политического характера серьёзная разработка этнонациональной проблематики получила развитие лишь после распада Советского Союза.

⁸ Советская политика равноправия наций // *Большевик*. 1948. № 9. С. 2.

⁹ Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // *Большевик*. 1950. № 13. С. 21–37.

¹⁰ Подробнее см.: *Tillet L. The Great Friendship: Soviet Historians on non Russian Nationalities*. Chapel Hill, 1969.

В период гласности, особенно на исходе перестроечных лет на общество обрушилось колоссальное количество информации, прежде недоступной для широкой публики. Новые архивные документы, громкие публикации, воспоминания жертв сталинского режима и свидетельства очевидцев, дневники, письма, фотодокументы – все это способствовало резкому возрастанию интереса к национальной теме. Обнародование сенсационных фактов из прошлого малых и больших народов страны сопровождалось ожесточенными дискуссиями, принципиальными спорами, нередко выливающимися в крайности, с эмоциональным перехлестом в суждениях и оценках.

В первые постсоветские годы этнонациональная тема оказалась в центре внимания столичных и региональных историков: не только потому, что в течение многих лет находилась под фактическим запретом, но, в первую очередь, вследствие утвердившейся в политических кругах и отчасти и в научной среде точки зрения, что национальный вопрос стал одной из главных причин распада СССР.

Постсоветские авторы не только расширили документальную базу национальной проблематики периода позднего сталинизма, но и способствовали гуманизации исследовательского дискурса, переключив значительную часть внимания с обезличенной политической истории на человека и его повседневность, на явления частного порядка, из которых складывалась ткань социальной жизни¹¹. Наряду с сугубо позитивистским подходом, коллекционированием фактов, разработкой прежде замалчиваемых или табуированных в сталинскую эпоху сюжетов, в научной среде шел поиск новых исследовательских приемов, позволяющих раздвинуть рамки объяснительных моделей при анализе множественных социокультурных архетипов. Прежняя методологическая традиция генерализации исторического процесса в рамках заданных идеологических схем ушла в прошлое, уступив место практике т.н. культурного плюрализма.

Помимо публикации недоступных прежде архивных документов и обнародования малоизвестных или вовсе не известных сюжетов, иллюстрирующих историю национального вопроса в СССР, исследователи пытались прояснить механизмы формирования основных принципов советской этнополитики в сталинский и постсталинский периоды. При всех незначительных расхождениях во взглядах на проблему преобладала точка зрения, согласно которой подход к национальному вопросу со стороны правящих кругов базировался на обезличенной, предельно механистической и функционалистской основе. Разрешение национальных проблем

¹¹ См.: *Зубкова Е.Ю.* Мир мнений советского человека, 1945–1948. По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. 1998. № 3.

Zubkova E.Yu., Mir mnenij sovetskogo cheloveka, 1945–1948. Po materialam SK VKP (b), Otechestvennaya istoriya, 1998, № 3.

мыслилось через механизмы «партийного руководства» с его «приводными ремнями», «винтиками» и прочими технологическими приемами¹².

Большинство российских и западных историков сходятся во мнении, что национальная политика в годы сталинизма претерпела эволюцию от относительно умеренных форм (с акцентом на развитие национальных культур и практику массовой коренизации), к усилению унификаторских и репрессивных тенденций (установка на подавление национального начала и поворот карательной машины от социального поля к этническому)¹³. Подтверждение этому тезису можно найти практически в любом эмпирическом материале, относящемся к послевоенному периоду. Е.Ю. Зубкова на основе обширного корпуса архивных документов анализирует сценарий программы советизации Прибалтики, наиболее амбициозного, с ее точки зрения, проекта И.В. Сталина. В монографии детально отслеживается процесс принятия политических решений, рассматривается деятельность местных партийных элит и созданных для реализации кремлевского проекта посреднических партийных структур – Бюро ЦК ВКП (б) по Латвии, Литве и Эстонии. «В течение 1947 г., – заключает Зубкова, – постепенно стала меняться тактика советизации, которая в отличие от первого периода уже проводилась с откровенным акцентом на унификацию и силовые методы»¹⁴.

Важнейшие решения кремлевского руководства в сфере этнополитики, принятые в период между окончанием войны и смертью Сталина, многократно анализировались в статьях и монографиях постсоветских и зарубежных историков. Проявляя практически полное единодушие в том, что касалось общих оценок этих документов, авторы расходились лишь в трактовках мотивов, которыми руководствовались Сталин и его ближайшее окружение, возвращаясь к политике репрессий. Как известно, Политбюро ЦК ВКП (б) приняло ряд постановлений, затрагивающих судьбу нескольких категорий советских нацменьшинств. Речь, в частности, идет о печально знаменитом постановлении от 24 ноября 1948 г. «О выселенцах», ужесточившем условия ссылки депортированных народов¹⁵.

7 марта 1950 г. вышло в свет постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП (б) Эстонии», санкционировавшее чистку партийного и государственного аппарата в республике.

¹² Национальная политика России: история и современность / под ред. В.А. Михайлова. М., 1997. С. 279.

¹³ См.: Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе. 1924–1953 гг. История сталинизма. М., 2014. С. 510.

Shirer D., *Stalinskij voennyj socializm. Repressii i obshchestvennyj poryadok v Sovetskom Soyuze. 1924–1953 gg. Istorija stalinizma*, М., 2014, S. 510.

¹⁴ Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. История сталинизма. М., 2008. С. 343.

Zubkova E.Yu., *Pribaltika i Kremľ. 1940–1953. Istorija stalinizma*, М., 2008, S. 343.

¹⁵ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 666–667.

Sovetskaya nacional'naya politika: ideologiya i praktiki. 1945–1953? S. 666–667.

Первый секретарь ЦК партии Н. Каторгамм и председатель правительства А. Веймер были смещены со своих постов, ряд руководителей более низкого ранга арестованы. Эстонским коммунистам вменялась в вину «политическая неразборчивость» при выдвижении кадров, а также рост антирусских настроений в республике.

Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 9 ноября 1951 г. и от 27 марта 1952 г., с критикой т.н. «мингрельской националистической группы» во главе с Барамией, адресованные ЦК КП (б) Грузии, также повлекли за собой аресты и высылки¹⁶. В стране разворачивалась очередная кампания, мишенью которой стали региональные национальные элиты¹⁷.

«Репрессии против руководителей одной из «старых» республик (Грузии) и одной из «новых» (Эстонии), – пишут авторы монографии «Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства», – должны были служить показательным примером для остальных региональных лидеров, пытавшихся после войны проявлять относительную самостоятельность и отстаивать интересы региона перед претензиями центра»¹⁸.

Применительно к эпохе позднего сталинизма, считают исследователи, следует говорить «о широком мировоззренческом сдвиге от классовой парадигмы к этнической»¹⁹. С одной стороны, в 1950-е гг. получила развитие идея создания новой, надэтнической общности – советского народа. Она исподволь внедрялась в сознание масс и постепенно захватывала самые разные сферы общественной и социальной жизни, включая даже музейное пространство. Чтобы продемонстрировать «этническое сближение в общесоюзном масштабе», музейные работники стали описывать советскую культуру, как этнически неокрашенную²⁰. С другой стороны, власть и не

¹⁶ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л.П. Кошелева, А.И. Минюк, М.Ю. Прозуменщиков, Л.А. Роговая, С.В. Соменова. Серия «Документы советской эпохи». М., 2002. С. 349–354.

¹⁷ См. подробнее: ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953: сб. док. Серия «Документы советской истории» / Сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко, А.И. Минюк, М.Ю. Прозуменщиков, О.В. Хлевнюк. М., 2004.

¹⁸ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М., 2012. С. 290.

Etnicheskij i religioznyj faktory v formirovanii i evolyucii rossijskogo gosudarstva, отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков, М., 2012, S. 290.

¹⁹ Шнирельман В.А. Советский парадокс: расизм в стране «дружбы народов»? // Антропология социальных перемен. Сборник статей к 70-летию В.А.Тишкова. М., 2011. С. 36; Slezkine J. ArcticMirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca and London: Cornell University Press, 1994. С. 320.

Shnirel'man V.A., *Sovetskij paradoks: rasizm v strane «druzhyby narodov»?*, Антропология социальных перемен, Сборник статей к 70-летию В.А.Тишкова, М., 2011, S. 36;

²⁰ Баранов Д.А. Образ советского народа в репрезентативных практиках государственного музея этнографии народов СССР во второй половине XX в. // Антропология социальных перемен. М., 2011. С. 418–419; Музейное дело в СССР: Отражение в экспозициях музеев социалистических стран темы «Нерушимая дружба народов – историческое завоевание социализма»: сб. науч. тр. М., 1983.

помышляла отказываться от практики дифференциации населения страны в духе привычного примордиализма (наличие «национальных» территорий, «пятая графа» в паспорте). Ни смена языка, ни смена культуры, считает В.А. Шнирельман, не позволяли человеку менять идентичность, которая связывалась с «происхождением», т. е. обуславливалась кровью²¹. Такое противоречие заведомо обрекало на неудачу планы консолидации народов СССР и гомогенизации социального пространства государства.

Повседневная жизнь, по-своему управлявшаяся с многоголосием чуждых друг другу идентичностей и культур, давала множество примеров взаимного отчуждения. Она же регулярно демонстрировала и образцы реально существующего советского универсализма²². Впрочем, некоторые авторы полагают, что хотя в 1950-е гг. формировалось альтернативное самосознание, связанное с понятием «советский народ», это все же была воображаемая общность²³.

Исследователи, пытавшиеся классифицировать советскую государственную модель в рамках традиционной дилеммы «государство-нация» или «империя», нередко прибегали к генерализациям, неизбежно упрощавшим сложную, весьма неоднозначную картину советской жизни, в том числе, и жизни советских национальностей. Согласно П. Блитстайну, СССР следует рассматривать как общество, в котором в силу различных причин применялись одновременно и имперские, и национализирующие практики. Такой подход уводит от одностороннего, а следовательно, от искаженного восприятия СССР как империи, либо как национального государства (что характерно для концепций сторонников т.н. ревизионистской школы об «империи позитивного действия» и официальных историографий стран постсоветского пространства – о национальном государстве, «тюрьме народов» с русификаторской идеологией)²⁴. «... Деятельность сталинского Советского Союза, – пишет американский историк, – может рассматриваться как уникальный гибрид традиционной имперской дифференциации и национальной стандартизации, т.е. режим стремится одновременно и привести население к единому стандарту, делая его советским,

Baranov D.A., *Obraz sovetskogo naroda v reprezentativnykh praktikakh gosudarstvennogo muzeya etnografii narodov SSSR vo vtoroj polovine XX v.*, Antropologiya social'nyh peremen, M., 2011, S. 418–419; *Muzejnoe delo v SSSR: Otrazhenie v ekspozitsiyah muzeev socialisticheskikh stran temy «Nerushimaya druzhba narodov – istoricheskoe zavoevanie socializma»*: sb. nauch tr., M., 1983.

²¹ Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 40.

Shnirel'man V.A., *Sovetskij paradox*, S. 40.

²² См. Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996. P. 28.

²³ Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017. С. 277.

Brandenberger D., *Stalinskij russocentrizm. Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)*, M., 2017, S. 277.

²⁴ Blitstein P. *Stalin's Nations: Soviet Nationality Policy between Planning and Primordialism, 1936–1953*. Ph. D. diss. Berkeley, 1999.

и установить различия между отдельными этническими группами страны в соответствии с универсальными особенностями»²⁵.

Размышляя о реалиях послевоенного советского общества, большинство исследователей оценивают их, как период резкого усиления сталинского диктата. Режиму, поколебленному войной, требовались сильнодействующие «инъекции» для устрашения масс. Депортации меньшинств, своего рода кульминации «техники насилия», творимого по этническому принципу, стали теми мощными прививками страха, которые в полной мере могли запугать и деморализовать советское общество. Идеологическим оправданием очередного витка репрессий рубежа 1940-х гг. в национальных регионах выступали обвинения в «местном шовинизме». Они принимали разную форму, в зависимости от локальной социокультурной специфики. В частности, в Киргизии гонения на интеллигенцию развернулись под знаком борьбы с «феодално-байскими пережитками», пантюркистскими, националистическими, буржуазно-космополитическими взглядами²⁶. В Армении мотивом для высылки только что прибывших в республику репатриантов послужили их «связи в прошлом и настоящем» с дашнакской партией²⁷. Этнических греков, высланных из Грузии, Азербайджана и с Черноморского побережья, власти обвиняли в «политической неблагонадежности»²⁸. По выражению французского историка Н. Верта, на рубеже

²⁵ *Блитстайн П.* Был ли Советский Союз колониальной империей? Сталинские антисемитизм и полонофобия в сравнительной перспективе // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 585.

Blitstajn P., *Byl li Sovetskij Soyuz kolonial'noj imperiej? Stalinskie antisemitizm i polonofobiya v sravnitel'noj perspective*, *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g. M., 2011, S. 585.

²⁶ *Батырбаева Ш.Д.* Идеологические и репрессивные кампании в Кыргызстане в середине XX в.: борьба с инакомыслием // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII Международной конференции. Тверь. 4–6 декабря 1914 г. М., 2015. С. 631.

Batyrbaeva Sh.D., *Ideologicheskie i repressivnye kampanii v Kyrgystane v seredine HKH v.: bor'ba s inakomyслиem*, *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg. Materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii, Tver', 4–6 dekabrya 1914 g.,* M., 2015, S. 631.

²⁷ *Аблажей Н.Н.* Армяне–репатрианты как целевая группа террора в послевоенном СССР // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII Международной конференции. Тверь. 4–6 декабря 1914 г. С. 666.

Ablazhej N.N., *Armyane–repatrianty kak celevaya gruppya terrora v poslevoennom SSSR, Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg., Materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii, Tver'. 4–6 dekabrya 1914 g.,* S. 666.

²⁸ *Чиликова Е.В.* Некоторые аспекты депортации 1949 г. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII Международной конференции. Тверь. 4–6 декабря 1914 г. С. 680.

Chilikova E.V. *Nekotorye aspekty deportacii 1949 g.,* *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg., Materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii, Tver'. 4–6 dekabrya 1914 g.,* S. 680.

1940-1950-х гг. в СССР развернулся процесс «этнизации массовых репрессий»²⁹.

Авторы монографии, посвященной депортированным чеченцам и ингушам, В.А. Козлов, М.Е. Козлова и Ф. Бенвенути считают, что «новый курс» Сталина был направлен на приведение к повинению «разболтавшейся» после войны страны, на «закручивание гаек». Жестокая и всеохватывающая политика конца 1940-х гг., пишут они, затронула все слои общества, а также все статусные и этнические группы, включая два с лишним миллиона спецпоселенцев и выселенцев³⁰.

Судьба этих категорий населения СССР, насильственно расселенных в десятках областей Казахстана и Киргизии, а также в Сибири и на Дальнем Востоке, складывалась крайне драматично³¹. Тяжёлый климат, дефицит жилья, вредные и тяжёлые производства, хроническая нехватка продовольствия (порождаемая, в том числе, недобросовестностью местных руководителей, ответственных за распределение продуктов питания и предметов первой необходимости среди состоявших на особом учёте спецпоселенцев) – вот далеко не полный перечень проблем, с которыми приходилось сталкиваться депортированным. Мотивы и методы сталинской политики принудительных переселений обстоятельно освещались российскими исследователями³².

Вайнахи, лишённые территориально-административного статуса и оторванные от своих корней, в 1948–1949 гг. пережили «демонстративный нажим» в виде ужесточения режима спецпоселения и усиления полицейского надзора в местах их расселения³³. Речь идёт о решении Политбюро ЦК

²⁹ Верт Н. Сталинизм и массовые репрессии // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Матер. междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. С. 99.

Vert N., *Stalinizm i massovye repressii*, Istorija stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Mater. mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g., S. 99

³⁰ Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф. Парадоксы этнического выживания. Сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.). СПб., 2016. С. 37.

Kozlov V.A., Kozlova M.E., Benvenuti F., *Paradoksy etnicheskogo vyzhivaniya. Stalinskaya ssylka i re-patriaciya chechencev i ingushej posle Vtoroj mirovoj vojny (1944 – nachalo 1960-h gg.)*, SPb., 2016, S. 37.

³¹ См.: Бугай Н.Ф. Проблемы репрессированных национальных меньшинств в российской историографии // История и историки. Историографический вестник. 2005. № 1. С. 3–52.

Bugaj N.F., *Problemy repressirovannyh nacional'nyh men'shinstv v rossijskoj istoriografii*, Istorija i istoriki. Istoriograficheskij vestnik, 2005, № 1, S. 3–52.

³² Депортации народов СССР (1930–50-е гг.). В 3-х частях. М., 1992–1995; Полян П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Сталинские депортации. 1928–1953 / под общей ред. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005.

Deportacii narodov SSSR (1930–50-e gg.), V 3-h chastyah, M., 1992–1995; Polyan P.M., *Ne po svoej vole. Istorija i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR*, M., 2001; Stalinskie deportacii. 1928–1953, pod obshchej red. A.N. Yakovleva; sost. N.L. Pabol', P.M. Polya., M., 2005.

³³ Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф. Указ. соч. С. 42–44.

Kozlov V.A., Kozlova M.E., Benvenuti F., *Op. cit.*, S. 42–44.

ВКП (б) от 24 ноября 1948 г. В.А. Козлов, М.Е. Козлова и Ф. Бенвенути считают, что депортация и борьба за этническое выживание в экстремальных условиях ещё больше сплотили вайнахское сообщество, вопреки ожиданиям властей, добивавшихся его ослабления и разрушения традиционалистских ценностей³⁴. Малым народам свойственно, в случае возникновения угрозы их существованию, репродуцировать архаичные формы сознания. В подобных обстоятельствах традиции начинают играть сугубо охранительную роль.

Однако эпизодические случаи проявления крепнущего этнического самосознания свидетельствовали скорее о степени сложности задачи, которую ставили перед собой кремлёвские идеологи, нежели отражали реальное положение дел в национальной сфере. Нельзя не согласиться с мнением австрийского историка А. Каппелера, полагающего, что сталинская эпоха принесла нерусскому населению Советского Союза более резкий разрыв с прошлым, чем это сделала революция, ибо только теперь были разрушены их традиционные социальные уклады и культуры³⁵. Н. Неймарк утверждает, что собственные представления народов об их нуждах и правах реально расходились с намерениями властей, вовлекших их в процесс форсированной советизации³⁶.

Доминирующим признаком послевоенной советской эпохи американский исследователь Д. Бранденбергер считает «сталинский руссоцентризм». По его мнению, сталинско-руссцентристская идеология добилась несомненного успеха и, вместе с тем, придала этноцентристский оттенок пропаганде, которая замышлялась, прежде всего, как популистская, этатистская, пансоветская. Бранденбергер приходит к выводу, что распространение в публичном пространстве руссоцентристских образов и символики способствовало укреплению русского национального самосознания³⁷.

Формировавшаяся в период позднего сталинизма новая государственная идеология, безусловно, основывалась на русской культурной матрице. Но в процессе перехода сталинского режима к идеологии неоперства русский народ был отнюдь не целью, а средством. Об этом неоспо-

³⁴ Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф. Указ. соч. С. 19, 32.

Kozlov V.A., Kozlova M.E., Benvenuti F., *Op. cit.*, S. 19, 32.

³⁵ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 281.

Kappeler A., *Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad*, M., 1997, S. 281.

³⁶ Неймарк Н.М. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века / пер. с англ. яз. М., 2005. С. 139.

Nejmark N.M., *Plamy nenasivisti: etnicheskie chistki v Evrope XX veka*, per. s angl. yaz., M., 2005, S. 139.

³⁷ Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017. С. 281, 282.

Brandenberger D., *Stalinskij russocentrizm. Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)*, M., 2017, S. 281, 282.

римо свидетельствует тот факт, что Сталин крайне нетерпимо относился ко всем инициативам, хотя бы косвенно содержащим намеки на русское государственное или национальное строительство³⁸. Достаточно напомнить и о т.н. «ленинградском деле», фигурантов которого подозревали в националистическом заговоре, нацеленном, в частности, на создание российской компартии³⁹.

Авторы сборника документов по национальной политике утверждают, что отсутствие критически опасных межнациональных конфликтов, а также сохранение стабильности режима может служить косвенным показателем действенности послевоенной модели регулирования национальных отношений, хотя и признают, что такая оценка, в лучшем случае, отражает текущие результаты национальной политики, игнорируя ее долгосрочные последствия⁴⁰. Но стабильность режима, как известно, поддерживалась отлаженным функционированием карательной системы, вследствие чего этот фактор вряд ли следует принимать во внимание в качестве аргумента. В то же время, невозможно отрицать наличие латентного напряжения в сфере межэтнических отношений в послевоенном советском обществе. Один из разделов сборника документов «Советская жизнь. 1945–1953», озаглавленный «Размышления о “национальном вопросе”», составлен из писем рядовых граждан И.В. Сталину. Содержание этих писем наглядно иллюстрирует факты неблагополучия во взаимоотношениях представителей разных этнических групп⁴¹.

На внутренних взаимоотношениях советских народов крайне негативно отразились последствия массовых депортаций, вследствие которых более 2,3 миллионов человек были вынуждены покинуть родные места⁴². При столь значительных масштабах перемещений людских масс трения и конфликты были неизбежны. Зачастую сами жертвы насильственных выселок становились «горючим материалом», который дестабилизировал обстановку в местах их расселения, невзирая на режим спецкомендатур⁴³.

³⁸³⁸ Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 281.

Brandenberger D., *Op. cit.*, S. 281.

³⁹ Бранденбергер Д. О роли РКП (б) в «Ленинградском деле» // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945 – 1953 гг. Материалы VII Международной конференции. Тверь. 4–6 декабря 1914 г. М., 2015. С. 23.

Brandenberger D., *O roli RKP (b) v «Leningradskom dele»*, Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v peri-od pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg., Materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii, Tver'. 4–6 dekabrya 1914 g., M., 2015, S. 23.

⁴⁰ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 18.

Sovetskaya nacional'naya politika: ideologiya i praktiki. 1945–1953, S. 18.

⁴¹ Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. Серия «Документы советской эпохи». М., 2003. С. 452–468.

⁴² Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. С. 287.

Etnicheskij i religioznyj faktory v formirovanii i evolyucii rossijskogo gosudarstva, S. 287.

⁴³ Бугай Н.Ф. Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // Трагедия великой державы. Национальный

Исследователи относят к группе факторов, провоцировавших межэтнические трения, и изъяны национально-территориального размежевания, проведенного большевиками без учета исторически сложившихся этнических, языковых, социальных факторов локализации народов⁴⁴.

Практика игнорирования внутриэтнических и межэтнических проблем со стороны кремлевского руководства оборачивалась усугублением напряженности в крайне деликатной сфере национальных чувств, грозя серьезными катаклизмами в будущем.

В трудах постсоветских и западных историков детально освещались политические и социальные явления и процессы, порожденные событиями 1940-х гг. Д. Смит пишет, что следующей после депортаций широкомасштабной акцией властей стала организация массовой иммиграции русского населения в Латвию и, особенно, в Эстонию. Это заметно изменило демографическую структуру балтийских республик. В ответ на насильственные действия Москвы, заключает исследователь, активизировались местные партизанские объединения, вставшие на путь сопротивления советскому режиму⁴⁵.

Исследователи существенно преуспели в освещении темы борьбы «лесных братьев» и украинских националистов, хотя она по-прежнему остается центральным сюжетом историографии позднего сталинизма⁴⁶.

вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. акад. Г.Н. Севостьянов. М., 2005. С. 311; *Кыдырлина Ж.У.* Условия жизни и массовые настроения в послевоенное время в Казахстане // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII Международной конференции. Тверь. 4–6 декабря 1914 г. С. 76–77.

Bugaj N.F., *Gosudarstvennaya politika v sfere nacional'nyh otnoshenij v usloviyah «socialisticheskogo eksperimenta»*, Tragediya velikoj derzhavy. Nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuz, Отв. ред. акад. G.N. Sevost'yanov, М., 2005, S. 311; *Kydyralina Zp.U.*, *Usloviya zhizni i massovyie nastroyeniya v poslevoennoe vremya v Kazahstane*, Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg. Materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii. Tver'. 4–6 dekabrya 1914 g., S. 76–77.

⁴⁴ *Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan, 2003; *Edgar A.L.* Tribal Nation: the Making of Soviet Turkmenistan. Princeton, 2004; *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the USSR. Ithaca, New York, 2015.

⁴⁵ *Smith J.* Soviet nationality policies from Lenin to Gorbachev / Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. акад. Г.Н. Севостьянов. М., 2005. С. 520.

⁴⁶ См.: *Носкова А.Ф.* Украинские националисты в борьбе за «соборную Украину» в 1940-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 130–138; *Anusauskas A.* Lietuviqtautos sovietnis naikimas, 1940–1958 Vilnius, 1996; *Strods H.* Latvijas nacionalo partizanukars 1944–1956. Riga, 1996; *Laar M.* War in the Woods: Estonia's Struggle for Survival, 1944–1956. Washington, 1992; *Білас І.Г.* Репресивно-каральна система в Україні (1917–1953): Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. Кн. 2. Київ, 1994. *Дзьобак В.В.* Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Історичні нариси / Національна академія наук України, Інститут історії України / Відп. ред. Кульчицький С.В. Київ, 2005; НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Бе-

Этому неоднозначному многоплановому сюжету посвящена монография немецкого историка Й. Баберовски, проникнутая духом обличительства сталинского режима. Согласно его трактовке, на западной Украине большевики столкнулись с сопротивлением украинских националистов и мятежных крестьян. Их боевые отряды пополнялись за счет демобилизованных красноармейцев и дезертиров из Красной армии. Борьбу партизан возглавил украинский националист С.А. Бандера. Гражданская война, которая велась с обеих сторон с крайней жестокостью, привела к гибели более сотен тысяч повстанцев. 130 000 человек были заключены в тюрьмы и лагеря по обвинению в шпионаже и вредительстве, 200 000 человек – депортированы в Среднюю Азию⁴⁷.

Точно так же, по утверждению исследователя, сталинский режим вел себя в прибалтийских республиках. В Литве расстреливали католических епископов и рядовых священников, представителей интеллигенции. По данным автора, в 1943–1953 гг. литовские партизаны уничтожили 13 000 коммунистов и представителей нового режима. Тогда же в Литве погибло более 20 000 человек, были заключены в тюрьмы и отправлены в сибирские исправительные лагеря 240 000 человек⁴⁸.

Наиболее взвешенный и объективный анализ феномена вооруженного сопротивления политике советизации в балтийских республиках дан в обстоятельной статье Е.Ю. Зубковой, опубликованной в журнале «Отечественная история»⁴⁹. Оценивая в целом позитивно публикации литовских, эстонских и латвийских историков 1990-х гг., автор статьи констатирует, что их анализ и интерпретации, так же, как и общие подходы к проблеме вооруженного сопротивления политике советизации, далеко не всегда способны преодолеть давление актуального политического контекста. В результате партизанское движение подается «очищенным» от разного рода наслоений и «неудобных» подробностей⁵⁰.

В постсоветские годы тематика исследований российских и зарубежных историков постоянно расширялась. Значительно возросло количество

лоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. док. / Сост. А.И. Кокурин, Н.И. Владимирцев. М., 2008; *B.V. Anusauskas A.Lietuva 1940-1991*. Vilnius, 2006.

Noskova A.F., *Ukrainskie nacionalisty v bor'be za «sobornuyu Ukrainu» v 1940-e gody*, *Novaya i no-vejshaya istoriya*, 2013, № 3, S. 130–138.

⁴⁷ Баберовски Й. Красный террор: История сталинизма / пер. с нем. М., 2007. С. 229.

Baberovski J., *Krasnyj terror: Istoriya stalinizma*, per. s nem., М., 2007, S. 229.

⁴⁸ Баберовски Й. Указ. соч. С. 229.

Baberovski J., *Op. cit.*, S. 229–230.

⁴⁹ Зубкова Е.Ю. «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 74–90; № 3. С. 14–30.

Zubkova E.Yu., «*Lesnye brat'ya*» v Pribaltike: vojna posle vojny, *Otechestvennaya istoriya*, 2007, № 2, S. 74–90; № 3. S. 14–30

⁵⁰ Зубкова Е.Ю. «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 75.

Zubkova E.Yu., «*Lesnye brat'ya*» v Pribaltike: vojna posle vojny, *Otechestvennaya istoriya*, 2007, № 2, S. 75.

публикаций, освещающих проблемы сталинской этнополитики в региональном измерении⁵¹. Внимание ученых привлекали и сюжеты, затрагивающие тему этнического самоопределения, идентичности, не только как субъективного ощущения принадлежности к какой-либо общности, но как формы социальной организации культурных различий. Историки и антропологи рассматривали эту проблему в различных контекстах, пытаясь уловить сложную природу процессов самоидентификации на индивидуальном и на массовом уровне.

С присоединением в 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины в СССР влилось более двух миллионов бессарабцев. Задача сталинского руководства заключалась в том, чтобы внедрить в сознание народа мысль об однозначном характере его самоидентификации и выветрить воспоминание об этнической или языковой тождественности с румынами. Навязываемая сверху моноэтническая идентичность далеко не сразу прижилась в среде бессарабского населения, по привычке считавшего себя румынами. Однако массированная советская пропаганда делала свое дело. Постепенно бессарабцы стали ощущать себя молдаванами, вытесняя на периферию сознания ощущение своей румынскости. На это работали и усилия идеологов коммунистической партии, внушавших населению мысль о формирующейся в ходе социалистического строительства молдавской нации. По мнению молдавского историка В. Бенюка, процесс дерумынизации языка и традиций и форсированная модернизация молдавской культуры прошел относи-

⁵¹ См.: *Искужинова Б.Г.* Деятельность политических институтов в развитии межнациональных отношений в Казахстане (1945–1953 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992; *История российских немцев в документах (1763–1992)* / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993; *В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы.* Петрозаводск, 1998; *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000; *Королев А.А.* Власть и мусульмане Среднего Поволжья (эволюция взаимоотношений. 1945–2000 гг.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2008; *Lehtmann M.* The Local Reinvention of the Soviet Project. Nation and Socialism in the Republic of Armenia after 1945 // *Jahrbucher Fuer Geschichte Osteuropas.* 2011. 59 (4): 481–508; *Hansen C.B.* Power and Purification: Late-Stalinist repression in the Uzbek SSR // *Central Asian Survey*, Vol. 35. 2016. P. 1–22; *Царикаев А.Т.* Северная Осетия 1945–1953 гг. в документах Государственного архива новейшей истории РСО-Алания // *Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сб. ст. IV Международной научно-практической конференции.* 2017. С. 49–54; и др.

Iskuzhinova B.G., Deyatel'nost' politicheskikh institutov v razvitiy mezhnacional'nyh otnoshenij v Kazahstane (1945–1953 gg.), avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. M., 1992; Istoriya rossijskikh nemcev v dokumentah (1763–1992), sost. V.A. Auman, V.G. Chebotareva. M., 1993; V sem'e edinoj: Nacional'naya politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920–1950-e gody, Petrozavodsk, 1998; German A.A., Istoriya Respubliki nemcev Povolzh'ya v sobytyyah, faktah, dokumentah, M., 2000; Korolev A.A., Vlast' i musul'mane Srednego Povolzh'ya (evolyuciya vzaimootnoshenij. 1945–2000 gg., Avtoref. diss. dokt. ist. nauk. M., 2008; Carikaev A.T., Severnaya Osetiya 1945–1953 gg. v dokumentah Gosu-darstvennogo arhiva novejshej istorii RSO-Alaniya, Aktual'nye problemy gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk: sb. st. IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2017. S. 49–54; i dr

тельно безболезненно⁵². Однако в среде региональных историков проблема самоопределения молдаван на протяжении многих лет остается предметом ожесточенных дискуссий, наряду с темой голода 1946–1947 гг. и репрессий 1949 г., рассматриваемых сквозь призму пакта Молотова-Риббентропа и его последствий⁵³.

А. Искандарян, анализируя особенности самоидентификации армян, пришел к выводу, что для них центральным звеном идентичности всегда была история, наряду с религией и языком. В качестве подтверждения он привел пример сотен тысяч репатриантов, приехавших в Армению во второй половине 1940-х гг. Репатрианты представляли собой «наиболее этнически мотивированную часть диаспоры», не нуждающуюся в укреплении и без того прочной этнической идентичности⁵⁴.

Любопытный анализ идентичности белорусов предприняли Д. Фурман и О. Буховец. Пытаясь разгадать феномен стойкой «советскости» белорусов, исследователи пришли к выводу, что разгадка этого феномена кроется и в двусмысленности, противоречивости советской идеологии, и в двусмысленности самоопределения самого Советского государства, которое идентифицировало себя одновременно и как Союз равноправных республик, и как Великая Россия. В этой дихотомии Фурман и Буховец усмотрели причину того, что не давало «возможности завершиться ни становлению белорусской нации, ни растворению белорусов»⁵⁵.

Процессы советизации по-разному влияли на самосознание малых народов. По мнению исследователя, традиционная культура якутов подверглась не только упрощению и фрагментации, но и «вторичной» эстетизации, осуществленной через механизмы включения ее символов и форм в контекст советского варианта массовой культуры⁵⁶.

⁵² Бенюк В. Тоталитаризм как реальность: Историко-политологическое исследование на примере послевоенной Молдовы. Кишинев, 1998. С. 227.

Benyuk V., Totalitarizm kak real'nost': Istoriko-politologicheskoe issledovanie na primere poslevoennoj Moldovy, Kishinev, 1998. S. 227.

⁵³ См.: Кашу А., Таки В. «Кто мы?» Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность». Кишинев, 2003; Турия Л.Н. Книга о голоде: [О трагедии в Молдавии в 1946–1947 гг.]. Кишинев, 1991.

Kashu A., Taki V., «Kto my?» Istoriograficheskij vybor: rumynskaya naciya ili moldavskaya gosudarstvennost', Kishinev, 2003; Turya L.N., Kniga o golode: [O tragedii v Moldavii v 1946–1947 gg], Kishinev, 1991.

⁵⁴ Искандарян А. Армения: удревление модерна // Национальные истории на постсоветском пространстве-II. М., 2009. С. 228–229.

Iskandaryan A., Armeniya: udrevlenie moderna, Nacional'nye istorii na postsovetском prostranstve-II, M., 2009, S. 228–229.

⁵⁵ Фурман Д., Буховец О. Парадоксы белорусского самосознания // Дружба народов. 1996. № 6. С. 110.

Furman D., Buhovec O., Paradoksy belorusskogo samosoznaniya, Druzhba narodov, 1996, № 6, S. 110.

⁵⁶ Васильева Н.Д. Этнокультурные изменения в послевоенной повседневности народов Арктики (на примере Якутии) // Советское государство и общество в период

Автор историографического очерка, посвященного советской этнополитике в годы сталинизма (1920–1950-е гг.), считает, что, несмотря на расширившиеся возможности, современная отечественная историография вопроса все еще не отметилась появлением каких-либо устойчивых и общеразделяемых концепций⁵⁷. Потребность в концептуальных исследованиях обобщающего характера, безусловно, существует, вместе с тем, нельзя не признать, что за последние три десятилетия российские ученые значительно продвинулись в разработке и осмыслении ключевых сюжетов этнонациональной проблематики эпохи позднего сталинизма благодаря работам Е.Ю.Зубковой, Г.В.Костырченко, В.А.Тишкова и др.

В очерке, посвященном развитию западной историографии национального вопроса в СССР с 1991 г., утверждается, что на сегодняшний день она является одним из наиболее динамично развивающихся направлений исследований в области советской истории. Основным итогом работы последнего поколения историков У.Сандерленд считает тот факт, что в общем массиве трудов по истории советского периода этнонациональная проблематика заняла важное место, переместившись из категории побочных сюжетов в разряд ключевых. Историкам, заключает автор, еще предстоит разбираться с выявленными в последние десятилетия и уже практически никем не оспариваемыми «парадоксами» советской этнополитики и практики «национального вопроса». Хотя он и допускает, что исчерпывающее объяснение, возможно, всегда будет ускользать от исследователей⁵⁸.

Список литературы:

1. *Авторханов А.Г.* Народоубийство в СССР: Убийство чеченского народа. Мюнхен, 1952. – 72 с.
2. *Баберовски Й.* Красный террор: история сталинизма / пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 277 с.
3. *Баграмов Э.А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М.: Политиздат, 1982. – 336 с.
4. *Бенюк В.* Тоталитаризм как реальность: Историко-политологическое исследование на примере послевоенной Молдовы. Кишинев, 1998. – 294 с.

позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Матер. VII Междунар. конф. Тверь. 4–6 декабря 1914 г. С. 97.

Vasil'eva N.D., *Etnokul'turnye izmeneniya v poslevoennoj povsednevnosti narodov Arktiki (na primere Yakutii)*, Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Mater. VII Mezhdunar. konf. Tver'. 4–6 dekabrya 1914 g., S. 97.

⁵⁷ *Поварницын Б.И.* Историография сталинской этнополитики: от политической конъюнктуры – к научному знанию // Историография сталинизма: сб. ст. С. 389.

Povarnicyn B.I., *Istoriografiya stalinskoj etnopolitiki: ot politicheskoy kon'yunktury – k nauchnomu znaniyu*, Istoriografiya stalinizma: sb. st., S. 389.

⁵⁸ *Sunderland W.* The USSR as a Multinational State From the Revolution to the death of Stalin: Western Scholarship since 1991 // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 4. С. 142–153.

5. *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). М.: РОССПЭН, 2017. – 405 с.
6. *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940-1953. История сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. – 349 с.
7. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 342 с.
8. *Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф.* Парадоксы этнического выживания. Сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.). СПб.: Нестор-История, 2016. – 128 с.
9. *Неймарк Н.М.* Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века / пер. с англ. яз. М., 2005. – 319 с.
10. *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк: изд-во «Хроника», 1978. – 173 с.
11. *Полян П.М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. – 329 с.
12. *Ширер Д.* Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе. 1924-1953 гг. История сталинизма. М.: РОССПЭН, 2014. – 541 с.
13. *Armstrong J.A.* Ukrainian Nationalism. New-York, 1955. – 372 p.
14. *Blitstein P.* Stalin's Nations: Soviet Nationality Policy between Planning and Primordialism, 1936-1953. University of California. Berkeley, 1999. – 566 p.
15. *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and National Question in the New Europe. Cambridge, 1996. – 202 p.
16. *Edgar A.L.* Tribal Nation: the Making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton University Press, 2004. – 320 p.
17. *Hansen C.B.* Power and Purification: Late-Stalinist repression in the Uzbek SSR / Central Asian Survey, Vol. 35. 2016. P. 1-22.
18. *Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan, 2003. – 276 p.
19. *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the USSR. Ithaca, New York, Cornell University Press, 2015. – 440 p.
20. *Lehmann M.* "The Local Reinvention of the Soviet Project. Nation and Socialism in the Republic of Armenia after 1945 / Jahrbucher Fuer Geschichte Osteuropas. 2011. 59 (4): 481–508.
21. *Smith J.* Soviet nationality policies from Lenin to Gorbachev || Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. Отв. ред. акад. Г.Н. Севостьянов. М.: «Издательство социально-политическая мысль», 2005. – 600 с.
22. *Sunderland W.* The USSR as a Multinational State From the Revolution to the death of Stalin: Western Scholarship since 1991 // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 4. С. 142–153.
23. *Tillet L.* The Great Friendship: Soviet Historians on non Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969. – 468 p.

Об авторе:

ГАТАГОВА Людмила Султановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр истории народов и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), email: lgochshtat@mail.ru

THE ERA OF LATE STALINISM: HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS EXPERIENCE (1945–1953)

L.S. Gatagova

The Russian academy of sciences, the Institute of Russian history, the Center for the history of the peoples and ethnic relations, Moscow

Annotation. The article is devoted to tracing the evolution of Soviet ethnopolitics in the period of late Stalinism from a historiographical perspective. It analyzes the post-war trends of the Kremlin's ethno-political course toward national republics and peripheral peoples. Despite all the minor differences in views within the scientific community, the dominant point of view on the topic is that the ruling circles approach to ethno-national problems was based on an impersonal, extremely mechanistic and functionalist basis. The analysis of key party decisions, as well as their subsequent interpretations by researchers, seems relevant due to the established view inside the political circles and, partly in the scientific community, according to which the national question became one of the basic causes for the collapse of the USSR

Keywords: stalinism, ethnopolitics, sovietization program, party elites, supra-ethnic community, primordialism, identity, soviet universalism.

About author:

GATAGOVA Liudmila Sultanovna – the Candidate of History, the leading researcher, the Center for the History of the Peoples and ethnic relations, the Institute of Russian history, the Russian academy of sciences (117036, Moscow, Dm. Ulianov str., 19), email: lgochshtat@mail.ru

References:

- Avtorhanov A.G., *Narodoubijstvo v SSSR: Ubijstvo chechenskogo naroda*, Myunhen, 1952. – 72 s.
- Babеровски J., *Krasnyj terror: istoriya stalinizma*, per. s nem., M., Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2007. – 277 s.
- Bagramov E.A., *Nacional'nyj vopros v bor'be idej*, M., Politizdat, 1982. – 336 s.
- Benyuk V., *Totalitarizm kak real'nost': Istoriko-politologicheskoe issledovanie na primere poslevoennoj Moldovy*, Kishinev, 1998. – 294 s.
- Brandenberger D., *Stalinskij russocentrizm. Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)*, M., ROSSPEN, 2017. – 405 s.

- Zubkova E.Yu., *Pribaltika i Kreml'. 1940-1953. Istoriya stalinizma*, M., ROSSPEN, 2008. – 349 s.
- Kappeler A., *Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad*, M., Progress-Tradiciya, 1997. – 342 s.
- Kozlov V.A., Kozlova M.E., Benvenuti F., *Paradoksy etnicheskogo vyzhivaniya. Sta-linskaya ssylka i repatriaciya chechencev i ingushej posle Vtoroj mirovoj vojny (1944 – nachalo 1960-h gg.)*, SPb., Nestor-Istoriya, 2016. – 128 s.
- Nejmark N.M., *Plamya nenavisti: etnicheskie chistki v Evrope XX veka*, per. s angl. yaz., M., 2005. – 319 s.
- Nekrich A., *Nakazannye narody*, N'yu-Jork, izd-vo «Hronika», 1978. – 173 s.
- Polyan P.M., *Ne po svoej vole. Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR*, M., 2001. – 329 s.
- Shirer D., *Stalinskij voennyj socializm. Repressii i obshchestvennyj poryadok v Sovetskom Soyuze. 1924-1953 gg. Istoriyastalinizma*, M. ROSSPEN, 2014. – 541 s.

Статья поступила в редакцию 27.03.2021 г.